

Остап Бендер и Чацкий, профессор Полежаев и Викниксор — по этим и многим другим ролям, сыгранным на подмостках сцены и на киноэкране, известен Сергей Юрский. Сейчас вместе с ленинградским Большим драматическим театром им. Горького актер находится на гастролях в Москве. Наш корреспондент встретился с ним и задал, как ясно из заголовка, ровно двенадцать вопросов.

— Как складывалась ваша актерская судьба, стояла ли перед вами в начале пути проблема ролей?

— Судьба у меня была гладкой. Все шло ровно. Но для молодого актера, если ему к тому же не очень повезет на первых порах, всегда существует эта проблема.

Давно уже ходят разговоры о введении новой системы приема актеров. Договорной системы, когда актеров будут брать на определенную роль. Я все же не могу с уверенностью сказать, что же для молодого актера лучше, как должна начинаться его карьера. Распределение в столичный крупный театр с большой, сложившейся десятилетиями труппой или в маленький театр, тот, что раньше называли провинциальным. На столичной сцене молодой актер может сразу оказаться на виду, после первой же удачной работы. Но потом надолго затормозиться на второстепенных, а то и вовсе на выходных ролях.

А на «провинциальных» подмостках молодой актер имеет возможность играть. Играть много — спектаклей в таком театре ставится больше, а труппа меньше.

И все же вполне естественно, что молодежь мечтает о большой сцене, о работе со знаменитостями, об успехе у искушенной столичной публики и, попадая на сцену областного, а то и городского театра, бывает разочарована.

Так что неизменно, что лучше. Но во всяком случае нужны талант, упорство и немножко везения.

— Ваша актерская судьба, как вы говорите, складывалась гладко. Но неужели у вас не было мелких, «тактических» неудач? Разве у вас не было неинтересных ролей в театре? Ролей, от которых вам хотелось бы отказаться? И отказывались ли вы!

— Из всех ролей, рано или поздно предложенных мне в нашем театре, я не сыграл только одну. Но это случилось не из-за моего нежелания играть, таковы были обстоятельства. А за собой нежелания играть я просто не помню. Бывают роли интересные, бывают и менее интересные и тогда самому приходится делать ее интересной, но играть хочется всегда. Иногда работаешь для себя и для спектакля, иногда больше для спектакля и меньше для себя. И удовлетворение испытываешь в равной степени от того и другого.

— Раз мы заговорили об удовлетво-

нии, то сам собой напрашивается вопрос: разве театр полностью удовлетворяет ваши актерские вкусы и требования? Другими словами, вам всего хватает в театре?

— Трудно сказать... Очевидно, нет. Дело в том, что сложившийся театр, имеющий свое лицо (а это всегда прекрасно, именно таким и должен быть театр), всегда имеет и свое определенное направление и не допускает значительных отклонений от своих традиций. И сколько бы ты ролей, самых разных, ни сыг-

рал в своем театре, всегда хочется попробовать другого. Другой формы. Чуть-чуть другой или совершенно другой. Для этого есть кино, телевидение, эстрада, наконец.

— Что именно привлекает вас, скажем, на телевидении?

— Много. Первое — это сроки. Промежуток времени от замысла до осуществления на телевидении значительно короче, чем, скажем, в театре или в кино. Второе — специфика: это не кино, которое строится маленькими кусочками, лепится буквально кадр к кадру. Здесь игровые куски больше, законченнее. Играть их приятнее.

К тому же сохраняется основное преимущество кинематографа — крупный план. Значит, можно делать какие-то более тонкие вещи. В театре для этого понадобились бы другие средства, другие приемы. Телевидение еще обладает приятной, на мой взгляд, «сложностью». Здесь ни в коем случае нельзя врать. Малейшая ложь сразу заметна, мгновенно вылезает наружу.

Так что TV — это, с одной стороны, большая скорость, как в каком-нибудь дореволюционном бродячем театре, где труппа делала по 2—3 постановки в месяц, чтобы обеспечить сборы, а с другой стороны — математическая точ-

ность. В общем телевидение это хороший экзамен на профессиональную пригодность.

И еще... Там можно и нужно импровизировать. Спектакль не весь приготовлен заранее, как в театре. Он делается на глазах у зрителя. Один раз ты играешь сцену зритель, другой раз — по-другому. Потом вместе с режиссером выбираешь лучший вариант.

— Сергей Юрьевич, а в театре вы много импровизируете? Как сильно отличается один ваш спектакль от другого?

— Почти не отличается. Я импровизирую довольно много, но лишь на репетициях. Находки, результаты импровизации, естественно, те, что идут в этот спектакль, что не разрушают его общей конструкции, фиксируются. А зритель видит их уже в готовом виде.

Есть актеры, которые и в театре импровизируют на зрителе. Я не из их числа. На мой взгляд, современный театр—

логи для отдыха советуют менять род деятельности. Мне это не всегда удается. Я меняю ритм, и душа отдыхает. Тем более что загруженность работой зависит от меня самого и я иду на это сознательно. А то, что в один день приходится играть две-три роли и играть в разной манере, — уже вопрос профессионализма. В этом-то и есть сложность и прелесть актерской работы.

— Какова же продолжительность вашего рабочего дня?

— Это трудно определить. Если дела идут хорошо, то строго регламентироваться не работа, а отдых. Знаешь, что тебе необходимо отдохнуть минимум столько-то часов, и выкраиваешь эти часы из суток, а все остальное время работаешь.

Я уже давно подумываю о том, чтобы как-то упорядочить свою жизнь. Не мешало бы заняться спортом. Уже есть такая необходимость... Но все не получается.

ДВЕНАДЦАТЬ ВОПРОСОВ СЕРГЕЮ ЮРСКОМУ

— Сергей Юрьевич, каким вы представляете себе своего зрителя?

— Не знаю... Непросто его так вот словесно обрисовать... Раньше, лет десять назад, знал. Это был студент. Умный, молодой, с чувством юмора, строгий, но увлекательный. Мне тогда много пришлось выступать перед студенческой аудиторией, и мы буквально с первых слов находили общий язык.

А теперь... Пожалуй, это человек средних лет. Горожанин. Умный, интеллигентный. Думающий, непременно думающий. Зритель, который понимает и принимает театральную условность. Не ждет, чтобы на сцене все происходило, как в жизни. Зритель, размышляющий вместе со мной. В общем сейчас это человек соприкосновения, с которым я соприкасаюсь каждый день, с которым у меня есть общие темы для разговора. Одни корни, если можно так сказать, один фундамент.

Вот Чаплин. На какого он зрителя работал? Да на любого. Он понятен всем. Независимо от уровня развития. Это — особенность гения. Об этом можно только мечтать. А пока приходится ориентироваться на своего зрителя.

— Вы намерены заняться режиссурой?

— Я уже этим занимаюсь и думаю за-

ниматься этим и дальше. Недавно на ленинградском телевидении я инсценировал и поставил «Фиесту» Э. Хемингуэя. Московский зритель ее, к сожалению, не видел.

Сейчас в своем театре работаю над постановкой «Мольера» Михаила Булгакова. В этом спектакле я буду и играть. Но окончательно уходить в режиссуру не собираюсь. Когда ты играешь на сцене, ты отвечаешь за свою роль, пусть даже главную. Пусть даже от твоей роли зависит очень много... А иногда хочется отвечать за все, за весь спектакль. Сделать его целиком своими руками.

— Почему вы выбрали именно эту пьесу?

— Я очень люблю театр, а эта пьеса о театре.

— А что вы любите кроме театра? Какое искусство?

— То, которое нужно смотреть. Живопись. Хорошее кино. Театр меньше, потому что хороший театр — событие более редкое, нежели хорошее кино. Да и в театре я люблю больше смотреть, чем слушать. Мне больше нравятся спектакли, где много всего происходит. Вот с музыкой у меня как-то неясно... Не получается. Серьезная музыка требует очень много времени, а с этим, как вы понимаете, туговато.

— Сергей Юрьевич, в чем, по-вашему, гражданское предназначение актера? Какова его роль в человеческом обществе?

— Это, пожалуй, самый сложный вопрос из всех вопросов о театре и актере. Я постараюсь ответить. Но предупреждаю, это будет мое, сугубо личное мнение.

Для чего люди вообще ходят в театр? Чтобы учиться? Чему? Чему могу научить их я, когда большинство из них не менее образованны, не менее опытные, чем я? Может быть, сюда приходят посмотреть на себя со стороны? Это уже ближе... Может быть, для сопереживания, для того, чтобы прожить вместе со мной незнакомую, чужую жизнь, сконцентрированную, собранную в двухчасовом представлении. И это тоже.

А может быть, и для того, чтобы, когда падает в последнем акте занавес и кончаются все переживания, увидеть уже не героев спектакля, а группу актеров, взявших за руки. Лишний раз поверить в безграничную власть человека над самим собой? И это так.

Но тогда выходит, что гражданский долг актера заключается в том, чтобы добросовестно и умело делать свою работу, и только, а это уже неверно.

По-моему, театр, а значит, и актер существуют не для того, чтобы ублажать пусть даже самую искушенную, самую придирчивую публику. Театр должен проявлять «человеческое» в человеке, будить мысль, делать из него настоящего гражданина.

Ю. ФЕДОРОВ.

Телефон 294-30-00, доб. 3-27. ● Отдел писем 294-68-56.

Редактор А. УДАЛЬЦОВ.

МОСКОВСКИЙ КОМПОНЕНТ
г. МОСКВА

7 ИЮЛЯ 1972

889